

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕНОМЕН РУССКОЙ КЛАССИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004

Э.М. Жиликова

КНИГА В. СКОТТА
“ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ”
И ЕЕ РУССКИЕ ЧИТАТЕЛИ

Книга В. Скотта “Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французов” (1827) представляет исключительный интерес для истории русской литературы по целому ряду обстоятельств: она занимает особое место в творчестве В. Скотта – автора знаменитых романов и одновременно в ряду исторических исследований 1830-х гг., посвященных Наполеону и Великой французской революции, имевших огромное влияние на процесс развития русской исторической и художественной мысли¹.

В отечественной историографии книга В. Скотта определяется как одно из самых первых описаний истории Наполеона с позиций “реакционно-легитимистского направления”, откровенно враждебного Наполеону². Е.В. Тарле в статье “О наполеоновской историографии”, охарактеризовав многотомный труд В. Скотта как “работу для самой широкой публики, для занимательного чтения”, заметил: “Тон, враждебный Наполеону. Документация довольно слабая и поверхностная”³. Отметив чрезвычайный успех книги в Англии и Европе, Тарле подчеркнул, что в середине XIX в., когда “наполеоновская легенда” овладела историографией Франции, на книгу В. Скотта смотрели как на кощунственное произведение”. Также историк высказал мысль, что В. Скотт своей книгой полемизировал с Байроном, прославлявшим в

¹ Книга В. Скотта “Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французов” (“The life of Napoleon Bonaparte”) была переведена на русский язык с английского С. де Шаплетом и имела два издания: первое – в 1832 г. в 14 томах, напечатанное в типографии А. Смирдина, и второе – в 1836–1837 гг. в 4 томах, напечатанное в типографии И. Глазунова. Однако отдельные главы книги и отзывы на нее публиковались в русских журналах начиная с 1827 г. См.: Левин Ю.Д. Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха романтизма. Л., 1975. С. 43–64. Все ссылки в тексте даются на второе издание с указанием в скобках тома и страницы.

² Манфред А.З. Наполеон I // Сов. ист. энцикл. М., 1966. Т. 9. С. 895.

³ Тарле Е.В. О наполеоновской историографии // Тарле Е.В. Наполеон. М., 1991. С. 420.

1822 г. победы Наполеона, тогда как “консервативный романтик В. Скотт не прощал Наполеону этих ударов, нанесенных им феодальному миру” В качестве аргумента Тарле ссылается на негативную оценку, данную книге В. Скотта Гегелем (“поверхностная голова”), не согласившимся с английским писателем в “благодетельных и обызвительских” рассуждениях по поводу Французской революции и исторической роли Наполеона¹.

Высказанные в исторической науке суждения могут иметь основания при условии, если подходить к книге В. Скотта с общественно-политической позиции, рассматривать содержание его историко-философской концепции, опираясь на прямые оценки, суждения, но при этом не учитывать логики художественного мышления писателя. Действительно, на протяжении всей книги В. Скотт отрицательно характеризует Великую французскую революцию, ее насильственные методы, сравнивая революцию с “заразой” (4. С. 77), с “диким слоном, который в припадке ярости разрушает все, ему встречающееся” (2. С. 27). Безусловно, в ряду трудов современных французских историографов (Тьер, Минье) книга В. Скотта выглядела анахронизмом. Так, писатель резко высказывался в адрес “мечтательных бредней жирондистов”, “зверской, кровавадной свирепости Якобинцев” (4. С. 297), всех тех, “которые осудили на смерть доброго и злополучного Людовика XVI” (2. С. 70). Рассматривая итоги Французской революции в перспективе исторического развития, от республики к империи, В. Скотт с горечью писал:

Французская революция, которая вместо того, чтобы доставить Франции свободу, равенство и благоденствие, привела ее в такое положение, что победоносный воин, в противность собственному своему убеждению, принужденным напелся присвоить себе самодержавную власть и подчинить всю Империю тому же самовластию, с которым он управлял своими солдатами (2. С. 206).

Однако отношение В. Скотта к Французской революции не исчерпывается критикой и отрицанием ее насильственных форм и наполеоновского правления. Стремясь следовать постулируемому принципу объективности, В. Скотт считает главным историческим результатом революции разрушение феодальных основ государства, обретение обществом демократических принципов, в частности права свободы личности на самоопределение в жизни.

Размышляя о причинах успеха Наполеона во внутренней и внешней политике, В. Скотт видит их в использовании французским императором “демократических понятий, от коих возникла революция”:

¹ Тарле Е.В. О наполеоновской историографии.

<...>Достигнув высшей степени человеческой власти, он (Наполеон – Э.Ж.) мудро и с основательностью учредил престол свой на том же демократическом правиле, которое ему самому отверзло путь и которое состояло в том, чтобы представить всем людям с достоинствами, хотя и не имеющим титулов, право приобретения почестей по разным государственным отраслям. Это-то был тайный ключ наполеоновой политики<...>. Открыв сие поприще для всякого рода талантов, он положил краеугольный камень своей славы и главное основание своего могущества” (4, С. 145–146).

Принципиальное положение исторической концепции В. Скотта о глубокой связи наполеоновской деятельности с идеями Французской революции распространяется на трактовку личности Наполеона; понятие же свободы личности как знака буржуазной эпохи осмысливается со стороны его положительных возможностей и негативных издержек, с точки зрения В. Скотта.

Масштаб изображения личности Наполеона достигается в книге В. Скотта не только выстраиванием и научным осмыслением исторической панорамы событий, но художественным способом – созданием образа необыкновенного человека, в котором выразилась новая эпоха. Принципиально важным является тот факт, что книга о Наполеоне создана художником. Она написана после великих романов “шотландского чародея”. Историзм художественного мышления В. Скотта, так сильно повлиявший на развитие исторической мысли Европы в первой трети XIX в., нашел выражение и в историческом труде самого писателя, что сказалось в следующих аспектах.

Наполеон рассматривается В. Скоттом как порождение и выражение эпохи, пришедшей на смену феодализму и начатой в Европе Французской революцией.

В осмыслении личности Наполеона проявился романтический характер историзма В. Скотта. Личность и жизненный путь Наполеона представляются В. Скотту сочетанием необычайных и парадоксальных противоречий. Писатель уподобляет его “кумиру, виденному во сне Ассирийским монахом, составленному из разных металлов, из самых драгоценных и из самых грубых веществ; соединяющего ломкость и слабость с силою и незыблемостью” (4, С. 252). Характерно, например, описание возвращения Наполеона с Эльбы в Париж, построенное на демонстрации крайностей в характере и судьбе этого человека:

Никогда, на самых кровопролитных и победоносных боевых полях, ужасное могущество Наполеонова гения не оказывалось в такой силе, как на походе, или лучше сказать, на переезде его от Канна до Парижа. Человек, который оставил

сей же берег, переодетый, подобно рабу, и проливал как женщина слезы от страха быть умерщвленным, возвращается в полном величии, подобно обратной волне, которая тем ужаснее и сильнее ударяет в берега, чем дальше она была откинута. Взор его, казалось, обладал мнимую властью северных волшебников очаровывать мечи и копья. Храбрейший из храбрых, шедший для того, чтобы сразиться с ним, как диким зверем, увидя его, признал его превосходство и вступил в число его спутников. Однако же блеск, озаряющий Наполеона, не походил на свет планеты, движущейся в своей правильной сфере, а на сияние кометы, предвещающей язву, смерть и разрушение (4. С. 83)¹.

Исторический факт В. Скотт подает в мифологической форме, каждое звено в повествовании оттеняет величие и одновременно злодейство, присущие Наполеону. Рассказ о жизни исторического лица разворачивается, с одной стороны, как хроника, сюжет, закованный в рамки времени и пространства, но с другой стороны, эти рамки разомкнуты постоянно простраиваемой оппозицией великого и низкого в личности Наполеона в соотношении с вечными процессами в жизни природы и человеческого общества.

В. Скотт признает могущество Наполеона, этого, как он пишет, “удивительного человека” (3, С. 1), наделенного необыкновенными дарованиями, гениальностью полководца. В. Скотт обращается к Байрону в стремлении усилить поэтический ореол вокруг имени Наполеона: “Он был взлелеян на ратном поле, где возникла его слава. “По-трясающий землю победный глас”, – говорит великий, утраченный Британию Бард, – был для него дуновением жизни”. И хотя могущественный его гений обладал способностью обнимать все отрасли дел человеческих, но к войне и к опустошениям он наиболее имел склонности <...>” (2, С. 237). В. Скотт акцентирует решительность, целеустремленность Наполеона, проявленные им в достижении поставленных целей, направленных на усиление Франции. Неоднократно В. Скотт пишет о “величайших услугах”, оказанных Бонапартом Франции: это итальянские походы, “чудная цепь побед, ознаменовавших

¹ Образ кометы, угрожающей миру, появляется еще раз в “Заключении” книги:

“Ужасные бедствия, удручавшие Европу в продолжение всего его владычества, были представлены им <...> последствиями, которых Император не желал и не предвидел, но которые неизбежно соединились с великими планами, предназначенными для исполнения призванному на землю Мужу Судеб, подобно багровому, огромному хвосту, сопровождающему быстрое движение блистательной кометы, пушенной законами мира в неизмеримое пространство мира” (4. С. 305). Размышление В. Скотта соотносится с художественным символом летящей кометы, предвещающей грандиозные события, в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”.

его возвращение из Египта” (2. С. 79), “усмирение внутренних междоусобий, примирение с Римскою Церковью, возврат многочисленного сословия эмигрантов, сочинение Народного Уложения” (4. С. 143)¹. В ряду положительных деяний Наполеона называются “счастливые последствия” их для всей Европы:

Вторжения его укротили раздоры, существовавшие во многих государствах между Владыками и подвластными, научили их соединяться для восстания против общего врага, содействовали к ослаблению феодального ига, к просвещению Государей и народов, и произвели многие удивительные последствия, которые будут столько же прочны, как полезны, хотя они произведены медленно и без потрясений (4. С. 152).

Противовесом могуществу и незаурядности личности Наполеона является, по мысли В. Скотта, его чудовищный эгоизм, ставший источником “самых отчаянных замыслов и самых непростительных его поступков” (4. С. 152). “Его честолюбие, – пишет В. Скотт, – ненасытнейшее, которое когда-либо возникало в груди человеческой” (2. С. 126). Особенно ярко оно проявилось, когда наступило время “окончательной развязки большой политической драмы” и Наполеон сменил “Консульский жезл на скипетр” (2. С. 67–68). Наполеон, по определению В. Скотта, “истребил все признаки свободы во Франции”:

Через его непрерывные посягательства народ потерял и свободу, которую предоставляло ему прежнее правительство, и все преимущества, приобретенные им Революцией. Политические права, честные выгоды, церковная собственность, успехи воспитания, наук, духа и чувств – все было захвачено его Правительством <...>. В этой земле, столь недавно еще волнуемой ночными собраниями тысячи политических клубов, никакое сословие граждан, ни под каким предлогом не имело права собираться для обнаружения своих мнений. Народу не осталось, ни в нравах, ни в законах, никаких средств исправлять ошибки или противиться злоупотреблениям” (4, С. 153–154). Взамен, дабы заглушить все тягостные и унижительные воспоминания, он поднес ему и сам испил с ним очаровательную и роковую чашу воинской славы и всемирного владычества (4. С. 155–156).

Таким образом, подходя к осмыслению исторической фигуры со стороны ее нравственного содержания, показав проявление человеческих свойств натуры в большой политике, автор вводит в избира-

¹ “Долг объективного историка, – пишет В. Скотт, – обязывает “сознаться, что виды его (Наполеона. – Э.Ж.) к усовершенствованию своей Империи были велики, прозорливы и основаны на пользе общественной” (2. С. 119).

жение и исследование истории нравственно-философский критерий ценности личности. Содержание этого критерия не ограничивается легитимизмом и монархизмом, напротив, эта позиция разрушается признанием В. Скоттом необходимости и исторической неотвратимости перемен, произведенных Французской революцией. Критика “деспота и завоевателя” выстраивается писателем по линии осуждения эгоизма, уничтожения Наполеоном гражданских свобод, данных революцией, угнетения других народов: “История его жизни и походов должеństwствовала б быть начертанною кровавыми буквами” (4. С. 309)

Историзм В. Скотта проявился в том, что рассматриваемые в качестве определяющих нравственные ценности (уважение к достоинству, демократизм, терпимость) очеловечивают политический и социальный сюжет истории, ставят проблему нравственной ответственности человека за его деяния, вводят его в контекст связей с историей и этой связью придают частному факту общечеловеческое значение¹. Фигура Наполеона в книге В. Скотта обретает смысл исторического явления и выражения целой эпохи, начавшейся Великой французской революцией, которая породила страшную противоречивость между провозглашением свободы личности и попранием этой свободы.

Книга В. Скотта не могла пройти мимо внимания русских читателей прежде всего потому, что это “первая книга настоящей эпохи” и в ней сошлись, по словам П.А. Вяземского, “грудь с грудью и рука с рукою” “гиганты нашей эпохи”: “Наполеон, сей Вальтер Скотт политического мира, и Вальтер Скотт, сей Наполеон мира литературного”². Исследование В. Скотта для русского читателя тем более было привлекательно, что автор с огромным интересом и уважением описал участие русских в военных кампаниях 1805–1807 гг. и наполеоновском нашествии 1812 г. В. Скотт рассказал о партизанской войне, о казаках, Д. Давыдове, о Бородинском сражении, сожженной Москве, об ожидании Наполеоном ключей от русской столицы на Поклонной горе³, о гибельном отступлении французской армии по старой Смоленской дороге.

¹ Принцип выявления противоречий психологии и осмысление ее в историческом контексте носит в книге В. Скотта универсальный характер и распространяется на изображение полководца Мюрата, якобинца Карно, министра Талейрана, жену Наполеона Жозефину и пр.

² *Вяземский П.А. Поживки французских журналов в 1827 году* // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2. С. 73.

³ Книга В. Скотта дает материал для постановки вопроса о характере ее восприятия Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским. Достаточно указать, что

Однако историческая работа В. Скотта, в отличие от его романов, получила в России 1830-х гг. довольно противоречивые оценки, что было обусловлено в первую очередь отношением русских читателей к Французской революции и к Наполеону. Об этом можно судить не только на основании прямых отзывов о книге, но путем соотношения концепции В. Скотта с художественной интерпретацией образа Наполеона в русской литературе в период с 1827 по 1837 г. – со времени выхода книги в Англии, обсуждения ее на страницах европейских журналов и появления двух изданий на русском языке в России.

Особый интерес в этом плане представляет обращение к наполеоновской теме трех писателей-современников: П.А. Вяземского,

развиваемая в книге концепция Наполеона и идея определяющей роли народного духа в войне Испании и России с Наполеоном была близка Толстому, как и эпический размах произведений, не говоря уже о целом ряде переключек в образной системе, Например, описание Москвы, увиденной Наполеоном с Поклонной горы:

“14 Сентября 1812 года, между тем, как русский арьергард выходил из Москвы, Наполеон достиг возвышения, называемого Поклонною Горюю. Потому что тут идущие в Москву люди преклоняют колена и осеняют себя крестным знамением при первом взгляде на Святый Город.

Москва казалась столь же величественною и поразительною, как прежде, с колокольнями трехсот церквей своих и с позолоченными своими куполами, блестящими на солнце; с чертогами восточной архитектуры, окруженными деревьями и садами; и с Кремлем ее, громадою треугольных башен, возвышающихся подобно цитадели над этою купою садов и зданий. Но ни одна труба не дымилась, ни один человек не являлся ни на стенах, ни в воротах. Наполеон смотрел на нее, беспрестанно ожидая, что сонм добродетельных бояр явится для того, чтобы пасть к его ногам и поднести ему свои сокровища. Его первое восхищение было: “Вот наконец этот славный город!”, а второе “Пора уж было его увидеть!” (3. С. 136)

Для Достоевского актуальными могли явиться рассуждения В. Скотта по поводу деления Наполеоном людей на “два разряда – на друзей его и на неприятелей, с тем, чтобы первых хвалить и оправдывать, а последних унижать, ранить и осуждать, не забывая о справедливости, правосудии и основательности” (4. С. 207). Неоднократно В. Скотт сравнивает Наполеона с Магометом, говоря, что Наполеон “тайно признавал сходство между собственным жребием и судьбою юного погонщика верблюдов, который, возвысаясь вдруг из низкой доли, в кою судьба его поставила, сделался завоевателем и законодателем стольких народов” (4. С. 258).

Отзвуки драматических событий Французской революции и эпохи императорства Наполеона, представленных на страницах книги В. Скотта, слышны и в романе “Идиот” при описании состояния осужденного перед казнью (см.: Жизнь Наполеона Бонапарте. Т. 3, ч. 10, гл.15) и в ироническом пародировании наполеонизма в завиральных анекдотах генерала Иволгина (см.: Жизнь Наполеона Бонапарте. Т. 4, ч. 12, гл. 10).

В.А. Жуковского и А.С. Пушкина. Их художественная интерпретация и понимание личности Наполеона выражают определенные этапы в развитии исторической и эстетической мысли в русском обществе.

П.А. Вяземский в статье 1828 г. “Поживки французских журналов в 1827 г.” (в разделе “История Наполеона, написанная В. Скоттом”) высказал критическое отношение к книге английского писателя. Он противопоставил гениального романиста В. Скотта “историку баронету” Скотту. Позиция Вяземского выражала настрой той части русской радикально-либеральной интеллигенции, которая с восторгом принимала идеи французской революции, связывая с нею деятельность Наполеона. “Она осудила императора и завоевателя, но вновь прониклась сочувствием к узнику острова Св. Елены, ставшему им по велению Священного Союза. Таков Наполеон (“Мятежный вольности наследник и убийца”) в стихотворении Пушкина 1823 г. “Недвижный страж дремал...”¹.

По определению Е.В. Тарле, “сокрушитель царей снова превратился на о. Св. Елены в бывшего революционного генерала”, “военный диктатор в свободомыслящего поборника народных прав”, хотя, как отмечает историк, “у Пушкина есть та широта взгляда, то чувство меры и гармония, та глубина мысли, которая все-таки не позволила ему дойти до гипербол позднейшей “Оды к колонне” Виктора Гюго и тому подобных произведений”².

Вяземский в своей статье в целом признает объективность позиции В. Скотта-историка в отношении к Наполеону. Эта же позиция получила выражение и в письме к А.И. Тургеневу от 1 января 1828 г. “Нельзя сказать, – пишет он, – чтобы в его обозрениях, суждениях было пристрастие, неприязненное предубеждение против Наполеона, нет <...>”³. Но именно объективность позиции В. Скотта более всего разочаровала критика. Очевидная политизация наполеоновской темы продиктовала содержание упреков Вяземского к английскому “создателю панорамы жизни Наполеона и включенной в нее панорамы более четверти века из современной истории”⁴:

Жизнеописателю Наполеона нужно было увлечься предметом и не бояться энтузиазма; а после, в заключение всего, оценить всю его жизнь, все деяния и подвергнуть его строгому приговору человечества, которое он предал, ибо не

¹ Пушкин А.С. Собр. соч.: В.10 т. М., 1974. Т.1. С. 220. В дальнейшем ссылки даются на это издание с указанием в скобках тома и страницы.

² Тарле Е.В. Заметки читателя // Тарле. Указ. соч. С. 430.

³ Там же. С 174

⁴ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 77.

хотел посвятить огромные, единственные средства свои на его блага. А он, то есть Вальтер Скотт, нигде не обольщается Наполеоном! Сперва опиши он его, как любовник в упоении страсти, и уже после суди о нем, как муж протрезвившийся. А у него везде трезвость или, лучше сказать, везде тошнота похмелья. В его книге не видать того Бонапарта, который окрылил мир за собою. Была же поэзия в нем: одною прозою и арифметикою ума не вывел бы он такого итога. Были же когда-нибудь эти глаза, заживавшие столько страстей в толпе поклонников, без синих полос под ними; были щеки без морщин, грудь без рыхлости. А ты, холодный и сонный живописец <...> В прежних романах он делал из истории какую-то живую фантазмагорию, здесь он не оживил праха, а, напротив, остудил живое. Я не нашел у него еще¹ ни одной страницы пламенной, яркой. Лучше дал бы он разгуляться более своей национальной желчи и писал при пламеннике ненависти, а то он писал водицею при каких-то сумерках <...>².

Руюю Вяземского водил романтизм либерального порыва, требовавший восторженной интонации и драматических красок при изображении жизни Наполеона.

Отличной от Вяземского оказалась позиция В.А. Жуковского, хотя их сближала общность романтической концепции характера исторического героя. Проблема Великой французской революции и Наполеона интересовала Жуковского на протяжении всего творчества, о чем свидетельствуют дневники, письма, пометы на книгах французских и немецких историографов (Тьера, м-м де Сталь, Минье, Гизо, Герена и др.)³, а также отмеченные статьи в “Selections from the Edinburgh review” (1835–1836), находящиеся в библиотеке поэта⁴.

В 1830-е гг., как пишет А.С. Янушкевич, “Великая французская революция осмыслиется (Жуковским. – Э.Ж.) в контексте современного политического состояния. Жуковский все решительнее не принимает всяких форм террора, насилия, воспринимая их сквозь призму якобинской диктатуры”⁵.

Центральное произведение Жуковского о Наполеоне в это десятилетие – “Ночной смотр” (1836), перевод одноименного стихотворения Цедлица “Die pдchtliche Heerschau”, напечатанного в 1828 г., спустя год после появления книги В. Скотта. Комментатор этого стихотворения, автор работ, посвященных рассмотрению проблемы наполе-

¹ Свой отзыв Вяземский пишет по прочтении “первой половины творения” В. Скотта (Остафьевский Архив. СПб., 1899. Т. 3. С. 174).

² Там же. С. 174-175.

³ См. работу, специально посвященную этой теме: *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский и Великая французская революция // Великая французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 106–141.

⁴ См.: Библиотека В.А. Жуковского: Описание. Томск, 1981. № 2117.

⁵ *Янушкевич А.С.* Указ. соч. С. 180.

онизма в творчестве Жуковского и русских романтиков, Ф.З. Канунова¹ определяет “Ночной смотр” как “важное звено в трактовке наполеоновского мотива и сюжета в творчестве Жуковского”². Сравнивая “Ночной смотр” со стихотворениями 1810–1820-х гг., Ф.З. Канунова отмечает, что “наполеоновская тема и сам образ Наполеона <...> укрупняются, мифологизируются, приобретают историческую значительность, наполняются глубоким философским смыслом о судьбе великой личности, ее исторической значимости, мнимом и подлинном бессмертии”³.

В круг “наполеоновского” чтения Жуковского 1830-х гг., помимо названных историков и писателей, включая труды Галлера, Менцеля, следует ввести два имени, принципиально важных для осмысления этой проблемы, – Байрона и В. Скотта.

В течение осени 1832 г., будучи в Швейцарии, Жуковский буквально штудирует “Паломничество Чайльд Гарольда”, оставляя множество отчеркиваний вдоль строф и записей на полях в 3-й и 4-й песнях, касающихся проблемы Французской революции и Наполеона⁴. Судя по пометам, Жуковский не разделяет байроновского ожидания свободы от новых революций, но согласен с английским поэтом в критическом освещении результатов Французской революции (“Террор, тщеславие, роскошь новой моды, – / Так мерзок был обратный лик Свободы”⁵) и личности Наполеона-императора, которого Байрон называет “поддельным Цезарем”. Двумя вертикальными чертами вдоль 91-й строфы 4-й песни Жуковский отмечает рассуждение Байрона о величии Наполеона-полководца и гибельном его тщеславии (“Чем, кроме славы, жил?”), отличающем его от Цезаря. На полях к этой строфе Жуковский по-французски написал текст, который мы даем в переводе: “Великая идея лишена сугубо личного в любом роде величия, того, чтобы стать скромным выражением Бога и воплощать величие через личностное: Она разрушает страсти и обращается в

¹ См.: *Канунова Ф.З.* Наполеоновский сюжет в творчестве В.А. Жуковского // Литературные произведения: сюжет и мотив. Новосибирск, 1999. Вып. 3. С. 61–77.

² *Канунова Ф.З.* Комментарий к стихотворению “Ночной смотр” // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2000. Т. 2. С. 696. В дальнейшем сноски на стихотворение В.А. Жуковского даются по этому изданию.

³ Там же.

⁴ См. подробнее: *Жиликова Э.М.* Жуковский – читатель Байрона // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. Ч.2. С. 418–449.

⁵ *Байрон Дж. Г.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т.2. С. 264. Жуковский отчеркивает на полях полностью 94-ю строфу 4-й песни.

истинно праздничное творение”)¹. В этой записи выражена важнейшая идея нравственно-философской концепции поэта о соотношении общего (Великого) и частного (личного), где Великое понимается как служение общему, как исполнение нравственного долга.

“Ночной смотр” Жуковского строится на резкой многоуровневой оппозиции великого и малого и выражает романтическую концепцию исторической личности. Один уровень акцентирует величественное начало в личности Наполеона: император, превращенный в узника на крошечном острове и похороненный там, по ночам восстает из праха и устраивает смотр своим верным войскам. Другой уровень конфликта обнаруживает духовную драму: предназначенный к великим делам, он в силу необузданного эгоизма погубил в себе человека и славу отечества и теперь влачит существование пленника, утратив даже во внешнем облике бывшее военное величие: на нем “сверх мундира сюртук”, при нем “маленькая шляпа и шпага”.

В ситуации общественной реакции 1830-х гг. уважительный тон к опальному императору выражал определенную оппозиционность настроений Жуковского, при этом позиция поэта включала полемику с идеями наполеонизма. Определяющим в стихотворении является нравственно-философский и психологический план. И в этом аспекте Жуковскому был близок В. Скотт. О том, что русский поэт был знаком с книгой В. Скотта, свидетельствует не только наличие в его библиотеке полного собрания сочинений В. Скотта на французском языке², но и то, что имя Жуковского названо в заключительном томе первого издания перевода “Жизни Наполеона” на русском языке (14-й том) в числе “особ, подписавшихся на книгу”³.

В книге В. Скотта величие Наполеона связано непосредственно с его деятельностью на военном поприще:

Бонапарте внушил, так называемое, чувство чести или, лучше сказать, тщеславие военного могущества и народного возвышения, всем сословиям своих подданных и в особенности сподвижникам своим на ратном поле. По их мнению, слава Франции воссияла с Наполеоном и с ним же вместе навеки угасла (4, С. 51).

¹ *Byron G. Oeuvres completes*. Paris, 1827. T.3. P. 62. См.: Библиотека В.А. Жуковского: Описание. № 760.

² См.: Библиотека В.А. Жуковского: Описание. № 2101 (*Oeuvres de Walter Scott*. Paris. 1830–1831. Vol. 1–10, 16–21, 23–30).

³ *Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французов*. СПб., 1832. Т. 14. С. LXXXIV.

В последней, четырнадцатой, части В. Скотта описан заключительный акт духовной драмы Наполеона – его пребывание на острове Св. Елены в продолжение 5 лет и 7 месяцев. С присущей В. Скотту живописностью и тщательностью рассказано о занятиях Наполеона в течение дня, его беседах, ссорах с губернатором острова, ежедневных объездах крошечных владений и т. д. И в результате возникает картина внешнего подобия былой, но ныне призрачной жизни. И только смерть возвратила Наполеону право вновь быть великим полководцем. Описание погребения Наполеона носит торжественно-траурный тон повествования о конце заслуженного воина:

Гроб облекли вместо покрывала военным плащом, который Наполеон имел на себе в день Маренгской битвы <...> Все войска стояли под ружьем при этом печальном торжестве. Поелику дорога не позволила доехать до могилы, то Английские Гренадеры имели честь отнести до оной гроб. Похоронный обряд был свершен Аббатом Виниали. Через каждую минуту палили из пушек с Адмиральского корабля. Наконец гроб был опущен в могилу при трех залпах артиллерии, по пятнадцати выстрелов в каждый. Большой камень был положен на могилу – и покрыл ограниченное пространство, вместившее в себя человека, для которого вся Европа казалась тесной (4. С. 292).

Картина похорон императора Франции на маленьком острове Св. Елены, восстанавливающая Наполеона в его воинском величии и славе, соотносится с финальной строфой “Ночного смотра”:

И всех генералов своих
 Потом он в кружок собирает,
 И ближнему на ухо сам
 Он шепчет пароль свой и лозунг;
 И *Франция* – тот их пароль,
 Тот лозунг – *Святая Елена* <...>
 (2. С. 301)

“Заключение” книги аккумулировало в себе романтический принцип понимания В. Скоттом личности и судьбы Наполеона как парадоксального сочетания великих планов и жалкого угасания на о. Св. Елены. Но завершая свое многотомное исследование, В. Скотт подчеркивает мощь личности Наполеона, превосходящего и в своих доблестях и пороках людей, не способных к деятельному самоутверждению:

Оканчивая “Жизнь Наполеона Бонапарте”, мы должны заметить, что он подвергся испытанию в двух крайностях, – в самом высоком могуществе и в самом неслыханном злополучии; и если он казался иногда тщеславным, имея в

своим распоряжении войска половины земного шара, или слишком склонным к жалобам, будучи заключен в тесных пределах острова Св. Елены, то те, которые никогда не выходили из среднего состояния в жизни, не могут судить ни о силе искушений, пред коими он пал, ни о твердости духа, с которой он воспротивился тем, которые ему удалось преодолеть (4. С. 293).

“Ночной смотр” был напечатан в №1 “Современника” за 1836 г. вопреки желанию автора повременить с публикацией стихотворения. Пушкин был восхищен художественным совершенством шедевра Жуковского. Такое пушкинское отношение во многом было продиктовано, по-видимому, глубиной и диалектичностью Жуковского в изображении Наполеона и в постановке проблемы наполеонизма, столь актуальной для Пушкина: осенью 1833 г. он написал “Пиковую даму”, в которой эта проблема получила философское и художественное осмысление.

В ряду многочисленных источников, сказавшихся в “Пиковой даме”¹, можно назвать и книгу В. Скотта о Наполеоне. Сближение двух столь разных по жанру произведений (многотомное исследование и небольшая повесть) можно увидеть в общности принципа художественного историзма писателей, рассматривающих личность Наполеона, его парадоксально-драматический характер и судьбу как явление общественной жизни и психологии, отразивших в своих крайностях противоречия новой эпохи и феномен буржуазного сознания.

О присутствии книги В. Скотта в круге интересов автора “Пиковой дамы” позволяет говорить целый ряд сближений идейно-художественного плана.

Прямое сравнение Германна с Наполеоном Пушкин проводит в IV главе, следующей за описанием смерти графини. Эта глава открывается эпиграфом на французском языке с датой: “7 Mai 18**”. *Homme sans mœurs et sans religion!*” Переписка” (7 Мая 18**. Человек без нравственных и религиозных устоев!)”². Стихия французской речи и дата, можно предположить, корреспондируют наполеоновской теме: император французов умер 5 мая 1821 г. и погребен 8 мая.

Эпиграф предвосхищает события нравственно-психологического плана, которые подтверждает высказывание, относящееся к типу лич-

¹ См. подробнее: *Сидяков Л.С.* “Пиковая дама” и “Черная женщина” Н.И. Греча // *Болдинские чтения.* Горький, 1985. С. 164–173; *Краснов Г.В.* Поединок Германна. К психологии конфликта в “Пиковой даме” // Там же. С. 56–64; *Вольперт Л.И.* Тема игры с судьбой в творчестве Пушкина и Стендаля. “Красное и черное” и “Пиковая дама” // Там же. 1986. С. 105–114 и др.

² *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. Т. 10. С. 219. В дальнейшем ссылки даются на это издание в тексте с указанием в скобках страницы.

ности Германна-Наполеона, усложняет представление о герое, как бы укрупняет его достоинства и недостатки, придает им значимость выражения важных черт целой эпохи. В IV главе Пушкин делает предметом осмысления не только характер героя с “профилем Наполеона”, но и современные интерпретации Наполеона, в частности как “лица романического” (демонического) с присущими ему крайностями в добре и зле, так и лица “пошлого”, т. е. обыкновенного и безнравственного¹. Книга В. Скотта своей общей концепцией личности Наполеона отличалась полной исторической и художественной изображением его как лица выдающегося, “романического” и одновременно “пошлого”, в смысле безнравственного. Ряд близких совпадений в понимании наполеоновской проблемы в “Пиковой даме” и книге В. Скотта позволяет сделать предположение о внимании Пушкина к книге “шотландского чародея”.

Так, по словам Томского, Германн – “лицо романическое, у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля”, и “у этого человека по крайней мере три злодейства на душе!” (212). Уже при первом сравнении героя повести с Наполеоном Пушкин ставит проблему вины (преступления) и акцентирует противоречивость личности Германна. В книге В. Скотта Наполеон, как и Германн у Пушкина, одарен “пылкостью воображения”, “нежными, кроткими чувствами”, языком страсти и “сердцем человеческим” (в письмах к Жозефине, к Марии-Луизе), но, как и у пушкинского героя, душа которого “алкала” “фантастического богатства”, “денег”, Наполеон бросался в бездны эгоизма, который, “подобно баснословному Сизифову камню, вскаченному им на вершину утеса до такой высоты, что он наконец низвергся и раздавил его самого при своем падении” (4. С. 302).

Показательна логика постепенного развенчивания Пушкиным своего героя, выявление глубочайшего трагизма гибнущего в Германне человека. В небольшом пространстве маленькой главы происходит проявление “пошлого” лица героя, которое одновременно “пугало и пленяло” воображение Лизы. И только после того, когда Германн, как написано в повести, молча смотрел на слезы ее (“<...>сердце его также терзалось, но ни слезы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не тревожили суровой души его. Он не чувствовал угрызе-

¹ В словаре В.И. Даля слово “пошлый” имеет несколько определений: “избитый, общеизвестный и надокучивший, вышедший из обычая, неприличный, почитаемый грубым, простым, низким, подлым, площадным, вульгарный, тривиальный” (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 3. С. 374).

ния совести при мысли о мертвой старухе. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, от которой ожидал обогащения”), следует приговор Лизы: “Вы чудовище!”.

Следующий за этим комментарий повествователя выводит проблематику повести на уровень историко-философский: “<...> Он сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона” (213).

Упоминание о “трех злодействах” Германна корреспондирует с описываемым В. Скоттом “ужасным убийством Герцога Ангенского” (4, С. 298), гибелью Пишигрю и английского капитана Райта.

В книге В. Скотта Наполеон неоднократно сравнивается с игроком, при этом тема игры распространяется на Наполеона (человека и государственного деятеля) как наиболее характерная ситуация для поведения человека страсти и авантюры. Описывая политику Наполеона после заключения Амьенского мира, В. Скотт пишет:

Необъятная власть, которою Бонапарте уже пользовался, казалось, тем только имела цену в глазах его, что она могла доставить ему средства к приобретению еще большей, и подобно горячему отчаянному игроку, он не переставал удваивать свою ставку до тех пор, пока фортуна, столь долго ему притествовавшая, наконец, восстала против него и вовлекла его в совершенную погибель (2, С. 2).

В другой части книги, рассказывая о “великих притязаниях” Наполеона даже после неудачного похода в Россию, В. Скотт, рассуждая о политике Наполеона, вновь вводит образ игрока:

<...> человек, которому счастье всегда постоянно благоприятствовало, любит играть в большую игру, не взирая на очевидный проигрыш, вместо того, чтобы отойти от стола, как бы следовало по благоразумию, тогда как счастье начало перемещаться. Наполеон взял себе в голову и внушил другим мысль, что особа его пользуется исключительным преимуществом, предохраняющим его от обыкновенных превратностей и ударов судьбы (3, С. 249).

Нравственно-философское осмысление образа игрока (игры) было ключевым для Пушкина в построении сюжета и образа Германна.

При сравнении книги В. Скотта и повести Пушкина обращает на себя внимание характерная деталь: трагическим событиям предшествуют стихийные, грозные явления в мире природы. Буря разразилась накануне смерти Наполеона, описание “ужасной погоды” предвещает смерть графини и духовный крах Германна.

В. Скотт

<...>сильная буря поднялась 4 Мая, предшествовавшая дню, в который должно было прекратиться земное существование сего необыкновенного мужа. Любимая изгнанником ива, под кою он часто наслаждался прохладою, была исторгнута вихрем, и почти все, окружавшие Ловуд деревья, подверглись той же участи. 5 Мая наступило с ветром и дождем. Отходящая душа Наполеона находилась в бреду и в борьбе, превосходящей силою ту, которая волновала стихии. Слова *trite d'armie* последние, испещенные из уст его, обнаружили, что мысли его блуждали в пылу битвы (4. С. 290).

А.С. Пушкин

Погода была ужасная: ветер выл, мокрый снег падал хлопьями; фонари светились тускло; улицы были пусты (207).

В финале повести вновь обнаруживается сходство Пушкина с В. Скоттом. В Заключении о герое сказано предельно лаконично: “Германн сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице и бормочет необыкновенные слова: “Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, туз!” (219). Финалом своей судьбы, безумием и узническим заключением в больнице, Германн может быть уподоблен Наполеону, для которого страстная, неукротимая потребность самоутверждения и славы обернулась гибельным индивидуализмом и изоляцией от людского мира на острове, где он создал крошечное подобие своей империи, не расставаясь с думами о Франции и великих походах. В судьбе Германна Пушкин показал современное проявление наполеоновского комплекса, перенеся духовную драму судьбы необыкновенного человека на психологию многочисленного племени героев, рожденных новым временем.

Таким образом, включив книгу “Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французов” В. Скотта в контекст творчества русских писателей 1830-х г. – Вяземского, Жуковского, Пушкина, обращавшихся к проблеме наполеонизма, можно сделать вывод о том, что концепция, разработанная В. Скоттом, историзм его художественного сознания оказались важным фактором в процессе осмысления событий европейской истории и современного русского общества, вступавшего на пути нового развития.